
Научная статья
УДК 94(470.6)
DOI: 10.31007/2306-5826-2023-1-56-30-37

ПРАЗДНИКИ КАК РЕСУРС ВЛАСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ЦЕНТРА КАВКАЗСКОЙ ЛИНИИ

Дмитрий Николаевич Прасолов

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, dmprasolov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0026-1262>

© Д.Н. Прасолов, 2023

Аннотация. На примере мероприятий, прошедших в Нальчике в 1843–1844 гг., рассматривается использование политического праздника, как одного из ресурсов в организации управления народами, подведомственными управлению Центра Кавказской линии. Подготовка и проведение торжеств, связанных с пожалованием Николаем I почетного знамени кабардинскому народу, показывает идеологические факторы, символику и ритуальные формы воплощения подданнической политической культуры, которая формировалась с установлением в Кабарде российского судебно-административного порядка. Сочетание элементов имперской праздничной культуры с традициями общественного гостеприимства формировали устойчивые сценарии массовых торжеств, которые способствовали интеграции кабардинцев и балкарцев в социокультурное пространство российского государства и выступали средством репрезентации верноподданства для продвижения ходатайств по актуальным общественным вопросам.

Ключевые слова: кабардинцы, Российская империя, Центр Кавказской линии, кн. В.С. Голицын, Кабардинский временный суд

Для цитирования: Прасолов Д.Н. Праздники как ресурс власти в политической культуре центра Кавказской линии // Вестник КБИГИ. 2023. № 1 (56). С. 30–37. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-1-56-30-37

Original article

CELEBRATIONS AS A RESOURCE OF POWER IN THE POLITICAL CULTURE OF THE CENTER OF THE CAUCASUS LINE

Dmitry Nikolaevich Prasolov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, dmprasolov@gmail.com <https://orcid.org/0000-0003-0026-1262>

© D.N. Prasolov, 2023

Abstract. The article examines the use of political celebration as one of the resources in organizing the management of the peoples subordinated to the administration of the Caucasus Line Center on the example of events held in Nalchik in 1843–1844. The preparation and carrying out of the celebrations connected with granting the banner of honor to the Kabardian people by Nicholas I shows ideological factors, symbolism, and ritual forms of embodiment of subject political culture which was formed with establishment

of Russian judicial and administrative order in Kabarda. The combination of elements of imperial festive culture with traditions of public hospitality formed stable scenarios of public celebrations, which contributed to the integration of Kabardians and Balkars into the socio-cultural space of the Russian state and acted as a means of representation of loyalty to promote petitions on topical public issues.

Keywords: Kabardians, Russian Empire, Center of the Caucasus Line, Prince V.S. Golitsyn, Kabardian Provisional Court

For citation: Prasolov D.N. Celebrations as a resource of power in the political culture of the center of the Caucasus line. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 1 (56): 30–37. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-1-56-30-37

Политические праздники могут рассматриваются как инструменты конструирования социальной реальности и мобилизации различных форм идентичности, способы коллективной деятельности по производству смыслов, интегрирующих общественные усилия для достижения совместных интересов [Символическая политика 2015: 15, 308–315; Символическая политика 2014: 66–79]. В процессах утверждения российского государственного порядка на Северном Кавказе праздники выступали символическим ресурсом власти, формируя подданническое политическое воображение подвластного населения, вместе с тем позволяя последнему, через демонстрацию лояльности, заявлять необходимые общественные ходатайства перед высшей региональной и даже имперской властью. В таком общественно-государственном взаимодействии складывались оригинальные формы политической культуры, ориентированные на ситуативную оптимизацию управления социокультурно сложным населением Центрального Кавказа.

Сочетание политических задач имперской интеграции с культурой общественного гостеприимства ярко проявилось в первых крупных государственно-политических торжествах, проходивших в Нальчике в декабре 1843 и в мае 1844 г. Они были инициированы начальником Центра Кавказской линии князем В.С. Голицыным, который за время своего недолгого руководства регионом предпринял ряд успешных мероприятий по стабилизации российского государственного порядка в Кабарде в один из напряженных периодов Кавказской войны [Муратова 2015; Муратова, Конова 2016]. Некоторые аспекты рассматриваемых событий нашли отражение в издании В.Н. Кудашева [Кудашев 1913: 126–128], работе С.Н. Бейтуганова [Бейтуганов 2007: 162–170] и документальной публикации З.М. Кешевой [Документы 2011: 144–147].

Предыстория праздника позволяет раскрыть особенности взаимодействия военных властей с локальными судебными-административными институтами – Кабардинским временным судом, – публичной властью, выступавшей от имени всего кабардинского общества. Опыт, сложившийся из многообразия таких административно-политических стратегий, впоследствии был институционализирован в военно-народном управлении на Кавказе.

В феврале 1843 г. депутаты кабардинского временного суда обратились к командующему Центра Кавказской линии генерал-майору кн. В.С. Голицыну с выражением готовности «почетнейших людей Кабарды доказать на деле правительству преданность» [Бейтуганов 2007: 162]. «Временный Суд, облеченный доверенностью почетнейших жителей всех сословий», в апреле 1843 г. постановил правила, которыми ужесточались меры против абреков и пристанодержательства». При этом заявлялось, что «кабардинские князья, уздени и народ ... жаждут найти случай выказать перед всеми единоверцами, их окружающими, что попечение о них российского правительства посеяны не на бесплодной почве, а принесли обильные плоды признательности и беспредельного повиновения воли Монарха-отца», что должно «указать прочим горским народам, что кабардинцы останутся всегда чужды внушениям, которыми их стараются обольстить посылаемые от возмутителей люди» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 447. Л. 2–2об.].

Механизм политической коммуникации, который предполагалось задействовать в положительном влиянии кабардинцев на ситуацию в Центральном Предкавказье, выделся следующим образом: «Если все предметы, входящие в состав этого прошения, удостоятся внимания, то да позволено будет переписать его в нескольких экземплярах на татарском языке и послать к соседним горским народам, посредством российских начальников, дабы оно могло служить явным неоспоримым доказательством, что благодарная Кабарда, покровительствуемая в своем богослужении и в народных обычаях своих, обогащенная неусыпным попечением о ней благодетельного Правительства и очевидно преуспевающая на пути всех улучшений жизни, не преклонит легковверного уха речам заблудшихся единоверцев, которые под предлогом религии, ими ложно объясняемой, поставляют себе целью сделать из Кабарды, блестящей богатством и спокойной под мощной десницей Российского Монарха, место плача и опустошения, подобное тем странам, которых несчастные жители увлеклись пагубными внушениями крамольных извергов» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 447. Л. 3–3 об.].

Репрезентация верноподданнических стремлений лояльной кабардинской элиты вместе с убежденностью в успехе влияния на соседние народы, открыто призывающие к религиозно-мотивированному сопротивлению имперской власти, представляются закономерными элементами последовательно реализуемого общественно-государственного взаимодействия, одной из ключевых задач которого было разрешение актуального для Кабарды земельного вопроса. В 1837 г. в ходе путешествия Николая I по Северному Кавказу кабардинская депутация обратилась к императору с просьбой о закреплении за Кабардой исторически принадлежащих ей, но отторгнутых под хозяйственные наделы станиц и крепостей, пастбищных земель по рекам Золке, Малке и Этоке. В 1842 г. «по доверенности народа кабардинского» в прошении военному министру А.И. Чернышеву Кабардинский временный суд возобновил ходатайство [Территория... 1992: С. 40–42] и, при поддержке кн. В.С. Голицына, продолжил по случаю пожалования в 1843 г. Николаем I почетного знамени кабардинскому народу [Гаибов 1905: 91].

В мае 1843 г. командиру отдельного Кавказского корпуса Нейдгарту поступили сведения, что Николай I, в ответ на «новое доказательство преданности и усердия» предположил рассмотреть возможность назначения «кабардинцам знамени по примеру дарованного назрановцам» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 447. Л. 10–10 об.]. В сентябре 1843 г. было подтверждено, что император принял во внимание усердие и преданность «кабардинских жителей, которые, хотя и не имели еще случая оказать особенных подвигов в делах противу неприятеля, но, тем не менее, показывают всегдашнюю готовность их к сбору по распоряжению начальства, для действий противу непокорных горцев, Всемилостивейше соизволил пожаловать им знамя» [УЦГА АС КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 252. Л. 1].

После торжественного объявления о пожаловании знамени при собрании депутатов Кабардинского временного суда, князей и старших узденей в крепости Нальчик, по описанию В. Голицына, восприняв новость «с неизъяснимым восторгом», присутствующие решили организовать верноподданнический народный праздник в день тезоименитства Николая I. Мероприятия 6 декабря 1843 г. подробно и очень эмоционально были описаны в рапорте начальника Центра Кавказской линии. Они были реализованы как своеобразный культурный гибрид, сочетавший локальные маркерные этнокультурные традиции и элементы общеимперского военно-праздничного церемониала с участием владельцев всех кабардинских аулов и «старшин» соседних горских обществ. Для более целостного представления о пространственной организации, ритуальном содержании, сценарных особенностях и масштабе торжеств, а также понимания политико-культурной специфики происходивших событий, приведем их основную характеристику из первоисточника:

«За несколько дней до торжества начали съезжаться в Нальчик бесчисленные толпы кабардинцев и старшины прочих племен со свитой. Они поместились частью в форштадте, а частью в Вольном ауле, расположенном против укрепления на правом берегу реки, и были угощены роскошно из обильных запасов, приготовленных на этот случай. 6-го декабря, по окончании молебства и церковного парада, я переправился через реку к ожидающему народу и поздравил его с Высочайше оказанной ему милостью, был встречен криками восторга, потрясающими всю окрестность; более чем на квадратную версту расположены были массы гостей; мед, пиво, хлеб и разные яства, изготовленные на азиатский манер сорока поварами кабардинскими, присланными князьями, в продолжении трех суток, приводили в изумление всех присутствующих неимоверным изобилием своим. Когда был подан знак к начатию пиршества, то всякая из княжеских фамилий, числом четыре, занялась угощением определенных в ее ведение гостей и с порядком, заслуживающим удивления при таком огромном сборище разнородных людей, оставила довольными с избытком от первого до последнего.

Князья, уздени и старшины других народов, как-то: малокабардинцев, чегемцев, балкарцев, дигорцев и прочих, угощались по домам также по-азиатски, но с примесью европейской роскоши, т.е. чаем, который, видимо, входит в число жизненных потребностей у достаточных горцев.

Беспреданно подъезжали новые толпы народа, опоздавшие по причине отдаленности; для таковых была приготовлена пятая часть в угощении и они прямо к ней были направляемы для избегания всякого беспорядка, особыми распорядителями, на этот предмет назначенными из почётных кабардинцев.

Наступил вечер! Приглашённые князья, уздени кабардинские и все прочие старшины, числом до трёхсот человек наполнили дом мой и любовались европейскими танцами, в которых принимали участие офицеры азиатские, бывшие в Петербурге; другие плясали лезгинку, непринуждённая весёлость оживляла всех и каждого, а между тем народ продолжал ликовать. В девять часов ракетой был подан сигнал к фейерверку, который изготовлен в Георгиевском арсенале, и расположен был таким образом, что и народ, и находящиеся в танцевальном зале, одинаково могли видеть. Радость неподдельная разлилась по всей массе пирующих при этом неожиданном зрелище! Прекрасная погода, благоприятствующая празднеству, позволила, чтобы его из залы смотрели в открытые окна; фейерверк продолжался около часа, любопытство и восторг постепенно возрастали, но при появлении венценосного имени Высочайшего виновника торжества, «Ура!» дружно вырвавшееся из уст всех присутствующих в залах русских и горцев, повторилось на том берегу реки могучим отголоском густой массы народа, числом более семи тысяч человек.

В два часа пополудни разъехались гости с бала, но народный пир прекратился с рассветом и не ознаменован ни одним случаем, который бы обличил отсутствие порядка».

Описывая следующий день, Голицын сообщал: «Почетные из кабардинцев и других племён собрались у меня и благодарили снова за невиданный доселе прием и радушное угощение, о котором известие скоро долетело во внутренности гор – потом все разъехались по домам, довольные и прославляя щедрость великого монарха России, отыскивающего в отдалёнейших пределах неизмеримой империи своей, заслуги верных слуг кабардинцев для оказания им милости, которой справедливо гордиться будут их поздние потомки». В заключении пространного описания кн. Голицын высказался о практической значимости организованных мероприятий: «Празднества, которым признательная Кабарда ознаменовала радость свою за Высочайшее благоволение ей оказанное, должно иметь полезное влияние на горские народы, я постарался его учредить в таком размере, чтобы оставить о нем память в крае» [УЦГА АС КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 252. Л. 5–7].

По возвращении кабардинской депутации из Санкт-Петербурга и с получением через Тифлис почетного знамени с жалованной грамотой Николая I, в Нальчике состоялось еще одно празднество. Сообщая о нем в Штаб отдельного Кавказского корпуса кн. В.С. Голицын писал: «При отношении от 22 апреля за №709 начальник штаба Вашего Превосходительства препроводил ко мне знамя, всемилостивейше пожалованное кабардинским жителям, за которым командированы были мною в Тифлис адъютант мой штабс-капитан Данилов и кабардинский князь корнет Тлостаналиев.

Получив знамя и грамоту 25 апреля, я счел необходимым учинить некоторые приготовления, дабы достойным образом принято было благодарною Кабардою новое доказательство Высочайшего благоволения Государя Императора к ней.

Члены Временного суда, депутаты, удостоившиеся быть в С. Петербурге, князя, узденя и владетели аулов, вызванные в Нальчик, явились к 3 числу мая и расположились огромным лагерем против крепости на правом берегу реки Нальчика; в этот день знамя прибито к древку с обычною церемонией, в которой участвовали все г.г. офицеры русские и азиатские, находящиеся на лице [так в документе. — Д.П.], а также князя и узденя Кабарды.

Сегодня в девятом часу по полуночи кабардинцы собрались в доме начальника Центра, где вручено им всемилостивейше дарованное знамя, с которым и началось шествие до места, назначенного для парада и прочтения Высочайшей грамоты.

Рота 3 батальона Литовского егерского полка, назначенная в парад, встретила знамя троекратным Ура! отдавая ему честь установленным порядком: потом аудитор управления Центра прочитал Высочайшую грамоту, которой перевод произвел в кабардинцах восторг невыразимый; когда скомандовано было войску на плечо, то прочтен военный артикул, до знамен принадлежащий, с толкованием, три залпа из ружей данные ротою заключили чтение и сменились пушечными выстрелами в числе ста одного, продолжавшимися во все время прохождения церемониальным маршем войска мимо знамени. По окончании парада все шествие тронулось обратно в крепость и знамя внесено установленным порядком в дом начальника Центра, где оно поставлено на приготовленном заранее почетном месте. Весь дом и обширный двор, окружающий его, наполнились жителями Кабарды, угощаемыми с изобилием, не оставалось ни одного из них недовольным. Несколько часов продолжался пир без малейшего беспорядка; наконец, при прощании с кабардинцами, я счел приличным приветствовать их краткою речью, которую в копии имею честь представить на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства» [УЦГА АС КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 388. Л. 3–5 об.].

По распоряжению кн. Голицына торжественная встреча знамени с военным парадом, салютом и массовым угощением были организованы «на счет общественной кабардинской суммы», что по оценке начальника Центра Кавказской линии должно было способствовать «сближению более и более жителей Кабарды с русскими» [УЦГА АС КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 388. Л. 6–6 об.]. Два праздника стали первыми яркими событиями в процессе символического освоения кабардинцами и балкарцами нового совместного столичного пространства Нальчика, неразрывно связанного с подданнической политической традицией.

В этих событиях впервые столь ярко проявилось участие местного руководителя российских военных властей в организации верноподданнических мероприятий. Его очевидная эмпатия происходящим праздничным событиям и ходатайству кабардинцев о пастбищах [УЦГА АС КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 252. Л. 31, 36] подробно отражалась в заблаговременной переписке с многочисленными согласованиями по составу участников [Документы... 2011: 148–152], что было значимо для стабилизации общественной ситуации в Кабарде. Усердие князя В. Голицына в организации демонстрации благодарной преданности кабардинцев монарху оказалось

омрачено неоднозначной оценкой вышестоящей власти. Из-за слишком подробного и эмоционального описания проведенных празднеств начальнику Центра Кавказской линии поставили на вид, что достаточно было сообщить «только о получении знамени и грамоты», а в мае 1844 г. «за отступление от службы», выходящее за разумные рамки бюрократического протокола, В. Голицын получил выговор [УЦГА АС КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 388. Л. 7–7 об.].

Проведенные торжества имели ограниченный эффект и в плане символической мобилизации политической лояльности кабардинцев. Условность символической преданности наглядно была продемонстрирована буквально накануне торжественных мероприятий. Незадолго до встречи почетного знамени в Нальчике в апреле 1844 г. Голицын был возмущен результатами сбора 150 всадников «на лучших лошадях» для похода: «Приказание это было исполнено вяло и вместо узденей на хороших лошадях, в отличном вооружении, по большей части были выставлены люди самого низкого сословия по найму». Не досчитавшись при этом 24 всадников, начальник Центра сделал «строгий выговор... всем людям, имеющим в Кабарде некоторое значение, за непростительную беспечность в деле столь важном», вследствие чего «за нераспорядительность на княжеские фамилии был возложен штраф... за каждого недостающего всадника по четыре быка не моложе четырехгодовалых» [Документы... 2011: 46–47].

Николай I в начале 1845 г. поддержал ходатайство кабардинцев о пастбищах. Однако после того, как в апреле 1846 г., по оценке Кавказского наместника кн. М. Воронцова, «кабардинцы не вполне оказали преданность России при вторжении Шамиля», реализация «Высочайшего» одобрения была ограничена. Поэтому было предложено «не выдавать им акт на закрепление за ними этой земли, а оставить таковую лишь во временном их пользовании» [Гаибов 1905: 92–93].

Таким образом, содержательные аспекты праздничных торжеств, организованных по случаю пожалования Николаем I кабардинцам почетного знамени, представляли собой примечательный пример использования имперских подданных традиций для формирования и репрезентации новых политических смыслов. Начальник Центра Кавказской линии В.С. Голицын как результат своего управления Кабардой продемонстрировал лояльность кабардинцев. Кабардинцы в риторике верноподданничества получили возможность донести до императора ходатайство о пастбищах. Едва ли можно признать, что ожидания всех участников этих празднично-политических мероприятий оказались в полной мере оправданными. При всей неоднозначности ближайших после праздников событий торжества 1843–1844 гг. вполне выполнили свою функцию как коммуникативный политический акт, символизирующий социальное конструирование единения кабардинского общества с российским государством. Знамя, в связи с пожалованием и получением которого был выстроен церемониал двух нальчикских праздников, стало ключевым политическим символом, «народным знаменем», который использовался впоследствии во встречах высокопоставленных лиц коронной власти, событийных и регулярных местных торжествах, а также сопровождал участие кабардинцев и балкарцев в составе военных подразделений императорской армии в военных действиях Российской империи до 1917 г.

Список источников

Бейтуганов 2007 – *Бейтуганов С.Н.* Кабарда: история и фамилии. Нальчик: Эльбрус, 2007. 784 с.

Гаибов 1905 – *Гаибов Н.Д.* О поземельном устройстве горских племен Терской области. Тифлис: Типография Окружного Штаба Кавказского военного округа, 1905. 340 с.

Документы... 2011 – Документы по истории адыгов 20–50-х годов XIX в. (по материалам ЦГА КБР) / сост. З.М. Кешева. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2011. 201 с.

Кудашев 1913 – Исторические сведения о кабардинском народе: [К 300-летию дома Романовых / Издание В.Н. Кудашева]. Киев: Типо-лит. С.В. Кульженко, 1913. 283 с.

Муратова 2015 – *Муратова Е.Г.* Князь Владимир Сергеевич Голицын «Центральный» // Вопросы истории. 2015. № 1. С. 110–119.

Муратова, Конова 2016 – *Муратова Е.Г., Конова Ж.З.* Политика князя В.С. Голицына по упрочению Российской власти в Центре Кавказской линии в 1842–1846 гг. // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2016. № 15. С. 23–28.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Символическая политика 2012 – Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Отв. ред.: Малинова О.Ю. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М., 2012. 334 с.

Символическая политика 2014 – Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Ред. кол.: Малинова О.Ю., гл. ред., и др., М., 2014. Вып. 2: Споры о прошлом как проектирование будущего. 382 с.

Территория... 1992 – Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII – нач. XX веков: Сборник документов / Предисловие и составление Х.М. Думанова. Нальчик: Нарт, 1992. 272 с.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики.

References

BEITUGANOV S.N. *Kabarda: istoriya i familii* [Kabarda: History and Families]. Nal'chik: El'brus, 2007. 784 p. (In Russian)

GAIBOV N.D. *O pozemel'nom ustroistve gorskikh plemen Terskoi oblasti* [On the land tenure of the highland tribes of Terek Province]. Tiflis: Tipografiya Okruzhnogo Shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, 1905. 340 p. (In Russian)

Dokumenty po istorii adygov 20–50-kh godov XIX v. [po materialam TsGA KBR] [Documents on the history of the Adygs in the 1920s and 50s] / Sost. Z.M. Kesheva. Nal'chik: Izdatel'skii otдел KBIGI, 2011. 201 p. (In Russian)

Istoricheskie svedeniya o kabardinskom narode: [K 300-letiyu doma Romanovykh [Historical information about the Kabardian people: [To the 300th anniversary of the House of Romanov] / Izдание V.N. Kudashева]. Киев: Типо-лит. С.В. Кульженко, 1913. 283 p. (In Russian)

MURATOVA E.G. *Knyaz' Vladimir Sergeevich Golitsyn «Tsentral'nyi»* [Prince Vladimir Sergeyevich Golitsyn “Central”] IN: *Voprosy istorii*. 2015. № 1. P. 110–119. (In Russian)

MURATOVA E.G., KONOVA Zh.Z. *Politika knyazyza V.S. Golitsyna po uprocheniyu Rossiiskoi vlasti v Tsentre Kavkazskoi linii v 1842–1846 gg.* [Prince V.S. Golitsyn's policy of strengthening Russian power in the center of the Caucasus line in 1842–1846.] IN: *Izvestiya SOIGSI. Shkola molodykh uchenykh*. 2016. № 15. P. 23–28. (In Russian)

РГИА – *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive]. (In Russian). (In Russian)

Simvolicheskaya politika [Symbolic Politics]: Sb. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Отв. ред.: Малинова О.Ю. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М., 2012. 334 p. (In Russian)

Simvolicheskaya politika [Symbolic Politics]: Sb. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Ред. кол.: Малинова О.Ю., гл. ред., и др., М., 2014. Вып. 2: Споры о прошлом как проектирование будущего. 382 p. (In Russian)

Territoriya i rasselenie kabardintsev i balkartsev v XVIII – nach. XX vekov: Sbornik dokumentov [Territory and Settlement of Kabardinians and Balkars in the 18th – Early 20th Centuries: A Collection of Documents] / Predislovie i sostavlenie Kh.M. Dumanova. Nal'chik: Nart, 1992. 272 p. (In Russian)

УЦГА АС КБР – *Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki* [Administration of the Central state archive of Archival service of Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russian)

Информация об авторе

Д.Н. Прасолов – кандидат исторических наук, зав. сектором этнологии и этнографии.

Information about the author

D.N. Prasolov – Candidate of Science (History), Head of the Department of Ethnology and Ethnography.

Статья поступила в редакцию 20.03.2023; одобрена после рецензирования 26.03.2023; принята к публикации 29.03.2023.

The article was submitted 20.03.2023; approved after reviewing 26.03.2023; accepted for publication 29.03.2023.